

Юрий Кузнецов

Горячий лед Невы

Юрий Кузнецов
Горячий лед Невы

«Автор»

2026

Кузнецов Ю. Ю.

Горячий лед Невы / Ю. Ю. Кузнецов — «Автор», 2026

1942 год, блокада Ленинграда. История одной семьи, где шестнадцатилетний подросток сталкивается с жестокими реалиями блокады. Пытаясь выжить, он на свой страх и риск решает заняться добычей рыбы, невзирая на приказ N 229. Но счастье не может быть вечным. Оставшись совсем один, Кирилл Брагин вступает на воровскую дорожку.

© Кузнецов Ю. Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Город Ленина	5
Глава 2. Февраль 1942	9
Глава 3. Диверсанты поневоле	13
Глава 4. Добытчики	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Юрий Кузнецов

Горячий лед Невы

Глава 1. Город Ленина

На дворе полным ходом шел 2015 год. Вроде все было как прежде, но что-то явно изменилось. Бывшая страна Советов с неумолимым упорством покоряла вершины производства и сельского хозяйства. Некогда великая держава поднималась с колен и вновь завоевывала прежнее величие. 2015 год стал переломным моментом, когда западные лидеры Европы после долгих лет интриг и козней развалить страну Ленина признали, что это невозможно. Радуюсь всем сердцем происходящим событиям, Кирилл с удовольствием наблюдал, как Россия выплатила все кредиты, взятые в свое время нерадивыми и честно признать глупыми высшими руководителями страны и вздохнула полной грудью. Ушли в небытие все пережитки 90-х, где сосиски в жестяных банках и окорочка Буша являлись деликатесом для рядовых граждан, а спирт «Рояль» в литровых бутылках употребляли даже женщины. Все это дешевое пойло и такого же качества еда присылались из-за рубежа предприимчивыми коммерсантами за совсем неприличные средства.

Решив прогуляться по набережной Невы и заодно посмотреть, как рыбаки ловят рыбу, Кирилл Васильевич Петров отправился на улицу. Летняя погода и яркое солнце дарили ощущение радости и необъяснимой эйфории. Это состояние не мог понять житель Москвы, потому что для города Ленина с его непредсказуемой погодой вся эта эйфория могла внезапно смениться серыми тучами и дождем. Ленинград словно огромный призрак стоял посреди бывших болот серым исполином. Здания, выстроенные еще в дореволюционное время, имели колоритные дворы с темными проездами в следующий двор. Подобная архитектура словно брат-близнец была похожа на французскую девятнадцатого века. В этом угрюмом пространстве обшарпанных домов с унылыми фасадами, фабрик и заводов с высокими трубами светлыми пятнами выделялись христианские храмы. Возвышаясь к небу золотыми куполами, церкви и соборы как маленькие фонарики освещали грозный город Петра божественным светом.

Желая урвать от природы немного позитива, старик быстро оделся и вышел на улицу. До Невы было идти двадцать минут и расправив плечи, мужчина отправился в путь. Вскоре остановившись на набережной, он с наслаждением втянул носом этот незабываемый запах водорослей, воды и свежей рыбы. Как обычно, мужчины средних лет, пенсионеры и подростки стояли с удочками у парапета и ловили рыбу. В глазах рыбаков читался тот неповторимый азарт и желание поскорее увидеть поклевку, который отличает простого человека от рыбака.

Неторопливой походкой проходя мимо и непроизвольно заглядывая в судки, Кирилл Васильевич снисходительно улыбался и продолжал свой путь. Вскоре приближаясь к двум подросткам, которым на вид было около четырнадцати лет, он услышал интересный спор. Двое подростков решительно доказывали свою правоту и уже готовы были сцепиться в жесткой схватке.

— Так почему тогда в блокаду жители не могли наловить себе рыбы, ведь ее так много было в Неве и Финском заливе?

— Потому что женщины не умеют ловить рыбу, а большинство мужчин ушли на фронт, — с пеной у рта стал доказывать подросток с рыжими волосами.

— А как же подростки, вроде нас?

— Они все работали на заводах и стояли у станков делая оружие и снаряды!

— Правильно, только на работу брали с двенадцати лет, а как же еще младше?

— Отстань, сам не знаешь, что говоришь! — махнув рукой словно пытаюсь закончить этот бестолковый разговор, воскликнул Денис, так звали рыжеволосого.

— Молодые люди, а я могу разрешить ваш спор? — вмешиваясь в разговор, проговорил Кирилл Васильевич.

Одновременно повернув голову к долговязому старику с деревянной клюшкой, подростки недоверчиво оценивали незнакомца.

— А как вы считаете, кто прав? — спросил Денис.

— Давайте я вам расскажу маленькую историю из моей жизни, а вы сами решите, кто прав, — дипломатично предложил Петров.

Хотя с момента смены фамилии прошло не одно десятилетие, тем не менее Кирилл каждый раз в разговоре так и хотел назваться своей прежней фамилией — Брагин. Уже несколько десятилетий фамилия у Кирилла была другая — Петров. Оставив себе только прежнее имя и отчество, он никогда не рассказывал о своей блокадной жизни.

Закрыв глаза словно собираясь с мыслями, Кирилл стоял как истукан, не проронив ни слова. Переминаясь с ноги на ногу, подростки терпеливо ждали, когда престарелый мужчина начнет говорить. Словно очнувшись ото сна, пенсионер начал свой рассказ.

— Это была зима 1942 года, точнее 10 февраля, где немцы уже второй год стояли плотным кольцом возле города и обстреливали его из всех орудий. Мне тогда было пятнадцать лет, а в марте должно было исполниться шестнадцать. Если в 1941 году нехватка продуктов была терпимой, то в 1942 году пайку хлеба на человека урезали. Школы работали, где мы также ходили на занятия, правда, все чаще сигнал воздушной тревоги гнал нас в бомбоубежище. Хлеба выдавали все меньше, и я стал замечать, как мама все чаще отдает нам часть своего пайка. Младшая сестра, которой исполнилось пять лет постоянно просила хлеба. В один из дней я решился на опасную прогулку. Поговорив с приятелем, мы решили отправиться на рыбалку, благо у каждого был набор для зимней ловли.

— Вот видишь, я оказался прав, — бесцеремонно прервав рассказ старика, воскликнул Матвей. На возглас приятеля Денис только поморщился, но ничего не сказал.

— Можно я продолжу? — обращаясь скорее к Матвею, произнес рассказчик.

— Да, да, извините.

— Повторюсь, люди страдали от голода, получая 125 граммов хлеба в сутки. Почему же мы не ели рыбу? Все было банально просто и жестоко. Осенью 1941 года Военный совет издал приказ №229 — запрет на гражданскую рыбалку. Тогда весь улов предназначался фронту. За нарушение грозила уголовная ответственность. Вот поэтому, мы и считали такой поход на рыбалку серьезным проступком. А еще возле Невы и на окраинах города дежурили солдаты, которые зорко следили, чтобы гражданские не шли на лед и не старались ловить рыбу. Были даже случаи, когда они стреляли по человеку.

— Ничего себе, по своим же стрелять, это как? — не удержавшись, воскликнул Матвей.

— Да, жестокая война и жестокие законы. Зима с 1941 на 1942 год для мирных жителей стала страшным испытанием. Для ловли рыбы существовал трест «Ленрыба», который работал все двадцать четыре часа в сутки. Тогда рыбаки выходили на лёд Финского залива в маскировочных халатах, а моряки в Кронштадте глушили рыбу тротилом. Даже оглушённую взрывами рыбу собирали ползком. Подойти к воде ближе метра было смертельно опасно. Тогда дети ловили плотву в каналах противогазными сумками. В ноябре 1941 года двое рыбаков треста «Ленрыба» вышли на подлёдный лов в Финском заливе. Немецкая артиллерия накрыла их в первый же рабочий день. Огромная рыба всплывала после попаданий снарядов, оглушённая взрывной волной. Мужчины и женщины смотрели на неё с берега, но подойти ближе не решались. Все это бесценное богатство, которое могло продлить жизнь, оказалось под прицелом немецкой артиллерии, — неторопливо рассказывал пенсионер, глядя куда-то вдаль.

— А если ночью пойти и постараться достать эту оглушенную рыбу? — поинтересовался Денис.

— Невозможно, а точнее, опасно. На это существовали караульные посты, которые следили, чтобы вражеские лазутчики и немецкие корректировщики огня не смогли проникнуть в город по льду. А еще финские войска, которые также держали кольцо окружения, закрыли северные подходы. Немецкая авиация патрулировала воздух. В Финском заливе немцы установили многоярусные минные заграждения. В то время трест «Ленрыба» сосредоточился на Финском заливе, но под постоянным огнём уловы оставались мизерными. В итоге суда «Ленрыбы» мобилизовали для «Дороги жизни». Везти муку в осажденный город стало важнее, чем ловить треску, — глухо констатировал Кирилл Васильевич.

— Так вам удалось поймать рыбу? — с нетерпением спросил Денис.

— О-о-о, это было первое и самое опасное путешествие в моей жизни, хотя рыбалка принесла ощутимый улов. Тогда мы поймали с приятелем два больших сазана, где каждая рыбина была от четырех до пяти килограммов. Плюс к этому оказались еще два десятка жирных окуней. Ловили мы ночью, а под утро чтобы не попасть под артиллерийский обстрел или авиацию противника нам пришлось покинуть место рыбалки. В очередной раз предстояло незаметно проскользнуть мимо патрулей и добраться до дома. Разделив улов пополам, где получалось по сазану каждому и с десяток окуней, мы были счастливы.

— А что было дальше?

— Дальше был пир, где мама сварила уху с небольшими кусочками рыбы. На это ушла голова и часть тушки. Оставшееся мясо пошло на котлеты, где в дело пошли даже плавники. Не ушли на выброс и кости. Отварив их, мама перетерла в муку. Разделив окуней на небольшие порции, мама завернула куски в плотную бумагу и повесила все это богатство в авоське на улицу. Птиц на тот момент в городе уже не оказалось и опасаться их набега на еду не стоило. А воры не могли забраться на наш четвертый этаж, так что все меры предосторожности были соблюдены. Холод лучше любого холодильника мог надолго сохранять любую пищу. Мы с сестрой тогда за обе щеки уплетали сказочную по вкусу похлебку! Уха была золотистая на цвет, а кусочки рыбы просто таяли во рту. Мы ели и не могли остановиться. Хотя кроме бульона и кусочков рыбы там больше ничего не было, но мы воспринимали уху как нечто восхитительное.

Вспомнив это благодатное состояние, старик непроизвольно закрыл глаза от удовольствия.

— Вы сказали, что не было птиц, а куда они подевались? — спросил Матвей.

— Горожане с началом блокады стали массово ставить силки и сетки чтобы ловить птиц. Самыми вкусными считались голуби. Кстати, мясо их считается деликатесом, — спокойным голосом ответил пенсионер.

Округлив глаза, подросток стоял и смотрел на пожилого человека переваривая в голове все его слова. Решив не вгонять молодых людей в ступор дальнейшим повествованием насчет съеденных собак, кошек, а далее крыс, Кирилл Васильевич замолк. Ребята с интересом ждали продолжения, но Петров внезапно почувствовал, как что-то грязное и мерзкое вот-вот вырвется наружу вместе с рассказом и ему станет очень стыдно и больно.

— Ну, все, мне пора, а вам приятной рыбалки! — проговорил Кирилл Васильевич и отправился дальше.

— Вот тебе и рыба, которой много в Неве, но ты не можешь ее ловить! — с горечью в голосе проговорил Денис.

— Все же их поколение были железными людьми со стальным характером! — констатировал Матвей, глядя вслед долговязому старику.

Незаметно наступил вечер, а воспоминания, которые пробудили мальчишки с набережной, не отпускали пенсионера. В очередной раз расправляя кровать, Кирилл окинул пронзительным взглядом свою комнату. Неожиданно восторженные мысли мужчины переместились к Вере, которая долгие годы была верной женой и просто другом, а сейчас уже несколько лет

лежала на городском кладбище. Даже она не знала о прежней фамилии мужа и событиях в его сложной биографии.

Все было гладко между ними кроме детей, который бог не дал. Оставшись в одиночестве, престарелый мужчина все чаще задавался вопросом — для чего он живет? Для чего он выжил в блокадном Ленинграде? Для чего было все то, что с ним произошло? Жилье, а также материальный достаток, которого они медленно и упорно добивались с женой, теперь стало обыденностью. А ведь раньше, много лет назад, мечта об отдельной квартире так сильно волновала воображение молодых супругов, что не проходило и дня чтобы они не говорили, как станут обставлять свою квартиру мебелью или сидеть на балконе и мечтать. Да, да, именно на балконе, потому что проживая в коммунальной квартире на первом этаже старого двухэтажного дома после войны, они не могли и подумать о том, что когда-то у них будет своя квартира. Теперь у Кирилла была однокомнатная квартира с балконом и звенящая тишина, от которой хотелось завывать во весь голос.

Все чаще медленно, словно уродливое чудовище из самых глубин сознания стали всплывать воспоминания. Кирилл никогда и никому не рассказывал о темных сторонах всего того, что было с ним в блокадном Ленинграде. Пугаясь этих откровений, мужчина непроизвольно вздрогнул. То, что было написано в учебниках истории про блокаду Ленинграда оказалась лишь частью правды чтобы не шокировать граждан страны всеми ужасами голода. Спасая свои жизни, люди шли на все чтобы выжить. В одно мгновение граждане еще недавно с упоением читающие стихи Пушкина и Маяковского стали другими. Одним из них был пятнадцатилетний Кирилл Васильевич Брагин.

Глава 2. Февраль 1942

Выглянув на улицу, старик тяжело вздохнул. Фонари тусклым светом освещали проезжую часть и тротуар. По лужам на мостовой стучали тяжелые капли дождя, а туман и промозглая сырость медленно накрывали город Ленина серым одеялом. Как и прежде в этот поздний час по улицам проходили немногочисленные прохожие. Прикрываясь зонтами и кутаясь в шарфы от пронизывающего холодного ветра, они старались быстрее попасть в свои квартиры. Ленинград никогда не был городом с благоприятным климатом и положительной аурой, но это был город, в котором он родился и прожил многие десятилетия. Кириллу иногда казалось, что природа сама создала этот мрачный и суровый на вид город чтобы живущие в нем граждане выросли сильными и закаленными в тяжелых условиях. Лишь иногда как подарок с небес мрачные тучи расходились и пронзительный луч солнца освещал золотые купола соборов даря людям веру, надежду и любовь.

За восемьдесят девять лет жизни, Кирилл видел все преобразования столицы Петра. Здесь была война, голод, который унес многие сотни жизней, а также радость от победы и трудовой подвиг народа. А еще все чаще и чаще, он видел во сне, как в очередной раз идет с другом в опасное путешествие. Это была зимняя рыбалка на Финском заливе 10 февраля 1942 года, где наградой за смелость являлась рыба. Не маленькая, хотя и вкусная корюшка, а большая серебристая рыба с крупной чешуей и белыми глазами. Вкус этого сочного и нежного мяса на всю жизнь остался в памяти старика. Такие путешествия граждан были игрой со смертью, потому что караульные солдаты зорко следили за своим участком и не позволяли жителям Ленинграда ловить рыбу. В противном случае солдаты имели полное право стрелять на поражение, что они и делали. Подобный подход к водным ресурсам, где ловля рыбы в военное время разрешалась только артелям не давала возможности гражданам получить отсрочку от голодной смерти. Наливаясь злобой от несправедливого указа, пятнадцатилетний Кирилл все чаще задумывался, как перехитрить стражей и накормить маму и младшую сестру.

Ложась в кровать, мужчина закрыл глаза и неожиданно погрузился в свое военное детство. Сон мягким одеялом обволакивал тело погружая мужчину в состояние эйфории. Словно специально мысли перенесли его в июнь 1941 года.

«Кирилл, пойдем сегодня на рыбалку, говорят, что рыбы в этот год невероятно много!» — хлопнув друга по плечу, воскликнул Пашка Зайцев.

Хотя Павел, с которым Кирилл учился в одном классе и был закадычным другом, с которым он постоянно куда-то «влезал», тем не менее предложение оказалось стоящим. Закончив восьмой класс с двумя тройками по литературе и немецкому, Кирилл погрузился в это невероятное состояние эйфории, когда впереди было еще три месяца каникул. Решив закончить десять классов, а потом поступить в архитектурный институт, Кирилл намеревался стать архитектором и строить здания.

Поход на рыбалку был не рядовым событием, а именно приключением, потому что требовалось проехать весь город на трамвае, а потом еще пешком добраться до Финского залива. Это место, вдали от дорог и самих рыбаков друзья нашли, когда обследовали побережье еще в прошлом году. Тихое и безлюдное побережье так понравилось друзьям, что они поклялись никому из одноклассников и ребят по двору не говорить о своем открытии. А самым главным было то, что здесь водилась невероятная по размерам рыба. Крупные лещи, как жирные поросята, так и выпрыгивали из воды совершая головокружительные пируэты словно дразня рыбака. Этой рыбы оказалось просто немерено и восторгу друзей не было предела. Горожане ловили леща почти везде, как с берега, так и с лодок. А в городе хорошие места были у Василеостровского намыва, Лахтинской гавани, а также возле устья Дудергофского канала. Летом стайки хищного окуня собирались возле створов дамбы.

Больше всего друзьям нравилось, когда удавалось вытащить жирного сазана или как часто его называли — карп. Это была рыба искусственного происхождения, которая в свое время «сбежала» или была выпущена в водоем и затем расплодилась. И, несомненно, деликатесом являлась корюшка. Маленькая рыбка, которая давно и неумолимо завоевала сердце горожан своим неповторимым вкусом свежих огурцов. Нева и Финский залив просто кишели разнообразной рыбой. Ловить рыбу в городской черте в Неве приятели категорически отказывались объективно считая, что рыбалка должна приносить удовольствие, а не просто выйти из дома и просто закинуть удочку.

В любом случае, Кирилл и Павел считали поход в свое секретное место идеальным вариантом получить удовольствие. Там не было посторонних глаз и множества восторженных зеваяк, которые всегда останавливались возле рыбака и спрашивали о рыбалке. В итоге таких вопросов было много, где рыбалка не приносила должного удовлетворения. А еще в тихой заводи можно было развести на берегу костер и тут же сварить вкусную похлебку, чего невозможно было сделать на набережной Невы.

Совсем другой была зимняя рыбалка. В выходные дни облачившись в теплые ватные штаны и овчинные полушубки, Кирилл и Павел неторопливым шагом направлялись на остановку трамвая. Их путь лежал на Финский залив. За спиной каждого подростка располагался фанерный ящик с зимними удочками, оббитый по краям железной полосой для жесткости. Ящик совмещал в себе емкость для пойманной рыбы и одновременно табуретку. Хотя зимняя рыбалка и приносила массу положительных эмоций, но все же летняя была предпочтительней. Война с немцами, последующий голод и запреты были еще впереди, где друзья, увлеченные рыбалкой, получали массу положительных эмоций.

Вторая половина 1941 года тянулась медленно и тягостно. С грустью глядя как разворачиваются события в осажденном городе, Кирилл не мог себе представить, что зима 1942 принесет еще большие откровения. Особенно запомнился февраль, где на улицах блокадного Ленинграда все чаще подросток видел трупы замерзших людей. Все они престарелые мужчины или женщины с видимыми признаками истощения лежали целую неделю пока санитарный автомобиль не забирает их на кладбище. Сначала подобное явление вызывало в сердце подростка отторжение и протест, но по мере увеличения количества умерших на улицах, он просто проходил молча. Это была жестокая реальность, о которой никто в самом начале войны еще не знал.

«Кирилл, я хочу кушать!» — присаживаясь на табуретку возле буржуйки, сказала маленькая Света.

За окном бушевала суровая выюга и Кирилл чтобы согреться протянул холодеющие руки к приоткрытой дверце буржуйки. Печка, сделанная из тонкой, но прочной стали хотя и «дышала» жаром, но это тепло оставалось только вблизи. Расположенная по центру гостиной, буржуйка обогревала только себя, выпуская в трубу вместе с дымом драгоценное тепло. Неподвижным взглядом подросток смотрел на огонь. Размышляя про себя, где достать дров на обогрев, потому что все то, что удалось достать со двора ранее уже закончилось, Брагин молчал.

Кирилл всегда потешался над тонким голоском сестры считая его смешным. Теперь брату было не смешно. Свете было пять лет, а в феврале должно исполниться шесть. До праздничной даты оставалось совсем немного, и Кирилл с грустью размышлял, что ей подарить. По виду девочка больше напоминала ребенка явно не на свои года из-за худобы.

— Я есть хочу! — толкнув кулачком в бок брата, повторила Света.

— Потерпи немного, скоро мама придет с работы. Сегодня у нее выдача карточек на хлеб, так что поешь.

— А что ты хочешь на день рождения?

Смешно закатив глаза, девочка мгновение думала, а потом выдала:

— Хочу шоколадные конфеты, которые мама покупала мне, когда я была еще маленькая.

Усмехнувшись краешками губ насчет утверждения про возраст, Кирилл пожал плечами. Ответ сестры был из области фантастики, потому что конфеты он видел только перед войной, а еще один раз на городском рынке. Проходя мимо торговцев, которые расположились за деревянными прилавками, он увидел, как один «барыга» показывал молодой женщине несколько шоколадных конфет в яркой обертке. Держа на ладони этот бесценный продукт, он лихорадочно оглядывался по сторонам боясь привлечь к себе внимание граждан. Глаза мужчины в этот момент испуганно бегали по сторонам.

Сам рынок представлял из себя небольшую площадь с несколькими рядами прилавков за которыми стояли торговцы. Перед каждым из них были разложены товары. Чего тут только не было. Картофель в жестяных ведрах чередовался с кучками моркови и свеклы. Куски свежего мяса лежали рядом с куриными яйцами и сигаретами. В общем на рынке было много-много всего, что нужно человеку в его повседневном рационе. Еще были торговцы, кто стоял возле стены здания и уже на земле расположили свой товар. Часть барыг, так называли торговцев прохаживались неторопливым шагом по рынку. Наклоняя голову к проходившему гражданину, они шепотом предлагали свой товар. По сути, все эти торговцы были спекулянтами, но власть в лице милиции сквозь пальцы смотрела на подобную схему торговли. Как и положено все эти мужчины и женщины были известны сотрудникам органов. Лишь изредка на рынке проводились шумные облавы, где милиционеры задерживали особо рьяных спекулянтов или тех, кто попался на продаже ворованного товара.

К своим пятнадцати годам, Кирилл знал всех продавцов в лицо, а также, кто чем торгует, потому что периодически ходил на рынок чтобы купить что-то из перечня по просьбе матери. И, конечно, на рынке существовал бартер, где можно было легко обменять свои продукты на другие. Обычно это был формовой хлеб. Темная на цвет прогорклая буханка с жесткой коркой ценилась на вес золота и служила, как эталон торговли. Размышляя про желание сестры, Кирилл внезапно решительно махнул рукой и негромко проговорил:

— Что ж, или грудь в крестах или голова в кустах!

— А это что? — поинтересовалась сестра.

— Да это я так, — отшутился Кирилл.

С этого момента жизнь пятнадцатилетнего подростка дала крутой поворот в сторону. Совершенно не ожидая от себя героического поступка, тем не менее, Кирилл был полон решимости выполнить задуманное. Лихорадочно прокручивая в голове примерный маршрут до заветного места рыбалки, он в очередной раз пришел к мнению, что одному ему не справиться.

«Однозначно в этой аванюре должен присутствовать Павел! К тому же вдвоем спокойнее и можно подстраховаться на случай опасности. И, конечно, больше унести рыбы», — подумал Кирилл.

Не откладывая дело в долгий ящик, парень схватил дубленку и меховую шапку. Через мгновение он уже мчался по широкой лестнице старого еще дореволюционного дома к выходу. Морозный воздух холодными клещами вцепился в лицо. Пронизывающий до костей ветер и трескучий мороз исправно выполняли свою задачу, загоняя граждан в холодные квартиры. На темных улицах совершенно не было людей. Прикрывая рот варежкой, Кирилл устремился в соседний двор, где жил одноклассник. Все это время Брагин прокручивал в голове план и то, что скажет Павлу. В этом вопросе он совершенно не беспокоился, за ответ приятеля. По сути, это была смертельная прогулка, из которой друзья могли не вернуться, но юношеский азарт и отвага сделали свое дело.

Постучав в дверь квартиры на втором этаже, Кирилл стоял с бешено бьющимся сердцем. «Мотор» набрал такой быстрый темп словно он пробежал до этого момента не двести метров, а все пять километров. Вскоре в проеме показалось осунувшееся от голода лицо Павла.

— Заходи, — коротко проговорил одноклассник.

— У меня есть идея, но это опасно, так что если ты не готов рисковать, то я не обижусь,
— выпалил Брагин.

Криво усмехнувшись в ответ, Зайцев показал рукой на кухню. Прикрыв за другом дверь, Павел проговорил:

— Давай, рассказывай, что ты там придумал!

По мере повествования друга, где Кирилл яростно размахивал руками, Павел то краснел, то бледнел. Несомненно, что это был билет в один конец, но в случае удачи он получал возможность обеспечить семью таким ценным продовольствием, как свежая рыба. А еще излишки ее можно было без труда обменять на тушенку, картошку или даже сливочное масло. Не задумываясь над тем, что рыбалка может не принести желаемого результата по разным причинам, подросток уже мысленно делил рыбу на продукты с рынка.

— О чем речь, конечно, пойдем! — горячо воскликнул Павел, но тут же театрально прикрыл рот.

— Тихо ты, а то твои домашние услышат!

— А у тебя снасти и удочки остались для зимней ловли?

— Да, даже коловорот чтобы делать лунки есть.

— А что будем делать с прикормом и наживкой, ведь ее нет?

— Будем ловить на блесну или на крючок с красной ниткой!

— Отлично, послезавтра идем в ночь, а завтра нужно проверить все удочки и блесны.

Попрощавшись, Брагин выскочил на улицу. Довольный собой, а еще больше согласием друга, Кирилл направился домой. Ему казалось, что мороз стал менее обжигающим и ветер внезапно утих. Все то, о чем он думал в последние месяцы, стало реальностью.

«Если государство запрещает мне ловить рыбу, а стало быть выжить, то я должен сам побеспокоиться о себе!» — крутилась в голове крамольная мысль.

Глава 3. Диверсанты поневоле

С раннего утра друзья принялись за работу. Первым делом необходимо было проверить зимние удочки, прозванные в свое время жителями — мормышка. Это орудие для ловли, состоящее в большинстве своем из обточенного деревянного бруска, по периметру которого располагалась внушительная выемка для наматывания лески. В торцевой части имела короткая тонкая металлическая трубка с отдельным эластичным хвостиком из нейлона. Разматывая леску с блесной или крохотным крючком с грузиком, рыбак проводил ее через хвостик из нейлона. Таким образом опустив в лунку наживку в виде блесны, рыбак проводил нехитрые движения рукой. То плавно поднимая удочку вверх, то опуская, он приманивал рыбу. Блесна при этом совершала хаотичные движения, чем и привлекала к себе внимание хищников. А хвостик из нейлона, который повторял движения блесны, был своеобразным индикатором поклевки. В момент захвата «кивок» клевал вниз, указывая на то, что рыба надежно захватила приманку. Это был своеобразный ликбез, который еще в раннем возрасте маленький Кирилл получил от отца и деда, таких же заядлых рыбаков.

Проверяя состояние и надежность лески, блесен, крючков с красной ниткой, друзья готовились к опасной прогулке. Особое внимание подростков было приковано к механизму бурения лунок — коловороту. Расправив и сложив пару раз инструмент с острыми краями в виде блюдца, Кирилл убедился в его надежности.

— Ящики будем с собой брать? — глядя на фанерный ящик друга, спросил Павел.

— Хотелось бы, но, к сожалению, нет. И так будет тяжело передвигаться в одежде, а тут еще коловорот нужно замаскировать. К тому же ящики привлекут внимание прохожих и сотрудников милиции, ведь рыбалка запрещена.

— Значит сидеть придется на корточках или на коленях, — констатировал Павел.

— Ладно, там разберемся на чем сидеть, главное — незаметно пройти сквозь посты, а остальное уже ерунда.

— Ты что своей маме скажешь, куда идешь в ночь?

— Правду.

— Я тоже.

Выход был определен на восемь часов вечера, где трамваи еще выходили на линию. Попрошавшись, друзья отправились по домам. Занимаясь домашними делами, где первой необходимостью было сварить что-то из скудных продуктов, Кирилл не заметил, как наступил вечер. Устало опустившись на стул, Ксения Федоровна с грустью посмотрела на сына.

— Кирилл, я сейчас посижу пару часов, а потом нужно будет идти на завод. Ты у меня уже взрослый, так что Света на тебе. Руководство попросило выйти всех, кто сможет. Особенная просьба была к токарям и фрезеровщикам. На фронте ощущалась острая необходимость в нашей продукции, а это снаряды и мины, так что остаетесь с сестрой вдвоем.

— Не волнуйся, все будет хорошо, — в душе радуясь, что не нужно вести с мамой серьезного разговора и отпрашиваться, ответил сын.

В назначенный час мама собралась и вышла из квартиры, а Кирилл стал проверять одежду и принес из кладовой снаряжение и коловорот. Проверив его работоспособность, он снова засунул инструмент в матерчатый чехол. Бережно положив в небольшой холщовый мешочек блесны и крючки, подросток был готов к выходу. Старые еще довоенные валенки с прошитыми подошвами, короткий полушубок и меховая шапка, как обычно ожидали хозяина в прихожей.

Периодически бросая взгляд на старые ходики, которые гулко отсчитывали секунды, Кирилл мысленно торопил время. По мере приближения маленькой стрелки к восьми часам

сердце подростка стало гулко биться словно отсчитывая такое же количество ударов, как и ходики.

«Все, пора!» — решительно встав с табуретки, проговорил Брагин.

Огонь в буржуйке, от которого так приятно исходило живительное тепло, никак не отпускал подростка. Отблески в печке от горения старого комода словно говорили:

— Останься, ведь в комнате так уютно и я еще долго буду радовать тебя своим теплом! Зачем тебе идти в эту зимнюю стужу и ехать на окраину города?

«Нет, я должен!» — решительно проговорил Кирилл.

— А куда ты пошел? — приподняв голову от подушки, спросила сестра.

— Спи, я ненадолго схожу в одно место, а потом вернусь! Если мне повезет, то я приду с подарком, так что будь примерной девочкой в мое отсутствие и никому не открывай дверь!

— Ладно, — ответила Света и перевернулась на другой бок.

Неожиданно мысли перенесли Кирилла в конец 1941 года. Тогда словно по волшебству во дворах и парках пропали бродячие собаки. Позднее уже не стесняясь, граждане стали массово ставить самодельные силки и ловить птиц. Идеальным призом был голубь с его неповторимым по вкусу мясом, но не гнушались воронами и галками. Город медленно умирал, где граждане невзирая на возраст приспособлялись побеждать голод. Были и другие способы выживания. А еще иногда Кирилл видел такую картину, которая поражала своим естеством. Держа под руку солидного мужчину на два или три десятка лет старше себя рядом с ним покачивая бедрами, шла девушка с ярким макияжем. Хотя тушь на глазах и роскошная прическа вкупе с приличной одеждой маскировали внешность, но это была вчерашняя школьница старших классов.

«Каждый человек выбирает для себя свой путь!» — тяжело вздохнув, констатировал подросток.

Нет, Брагин не осуждал их, но каждый раз в его сердце горячей волной вскипала злоба на фашистов, а еще на высших руководителей города. Это были первые звоночки в душе подростка на всю ту несправедливость коммунистического режима, где граждане оказались лишь инструментом для решения задач партии. В 1941 году первым секретарём Ленинградского горкома партии был Андрей Александрович Жданов. Он занимал этот пост с 1934 года и оставался на нём вплоть до 1945 года.

С началом блокады по городу поползли слухи, что любимым моционом Жданова был свежесваренный грузинский чай с сахаром и кусочком лимона. Когда жители Ленинграда уже голодали, Жданов самолетами получал любой перечень необходимых продуктов для сотрудников горкома и для себя лично, который требовал, а лимоны и чай ему непосредственно поставляли из Грузии. А еще присутствовала реальность, где в 1941 году Жданов докладывал в ставку большей частью о военных вопросах и проблемах, связанных с обороной города. Моральное состояние его жителей отходили на второй план, как несущественное. Всего этого Брагин еще не знал, но крохотный червячок недоверия к власти уже точил его молодое сердце.

В назначенное время Кирилл стоял на площадке у окна. Решив не стучать в дверь чтобы не встречаться с домашними приятеля, Кирилл ждал выхода Павла. Сердце гулко и размеренно отстукивало удары. Теперь он уже не волновался. Через несколько минут из квартиры быстро выскользнул Зайцев.

— Фу, еле отпустили! — тяжело дыша, проговорил Павел.

— А у меня все прошло гладко, потому что мама ушла во вторую смену, а я ей просто ничего не сказал, — констатировал Брагин.

— Везет тебе, а у меня целое собрание с двумя выступающими было, где мама и бабушка взяли слово!

— Ладно, хватит болтать, пошли на улицу.

Выходя во двор, Кирилл ощутил, как морозная свежесть острыми коготками вцепилась в лицо. Размышляя про себя что впереди их ждет долгий путь, он мысленно обратился к богу чтобы тот помог в их начинании. Буквально перед войной дед Андрей в тайне от родителей Кирилла сводил его в храм и попросил священника совершить обряд крещения. Являясь комсомольцем, Брагин тогда не понимал зачем деду это нужно, но нехотя согласился. С этого момента что-то незримо изменилось в его судьбе и жизни. Вскоре дед Андрей покинул этот мир, а Кирилл так и не сказал родителям о крещении. Боясь быть раскрытым одноклассниками и родителями, он никогда ранее не надевал крестик. Надежно спрятав в вещах, подросток надел его с началом блокады. Теперь собираясь в путь на груди Кирилла словно защищая хозяина от всех опасностей, висел маленький оберег с распятием. Серебряный крестик был символом веры и защиты.

Холодный трамвай, где за стеклом кроме морозных узоров ничего не было видно медленно тащился по рельсам. Создавалось впечатление, что трамвай словно живой не хотел, чтобы подростки отправлялись в темноту. Мысленно подгоняя престарелую тетку в выцветшей зеленой телогрейке и черном берете на голове, Брагин хотел попасть на окраину города до комендантского часа. Рядом сидел Павел и что-то увлеченно рассматривал на заиндевавшем стекле прямо перед собой. Он был так сосредоточен, что совершенно не обращал внимания на друга.

— Смотри какой узор, прямо настоящая хохломская роспись, — показывая шерстяной перчаткой на окно, весело проговорил Зайцев.

— Мы, возможно, на смерть идем, а он восхищается морозным узором. Идиот, — устало подумал Кирилл, но ничего не сказал.

Не заметив, как трамвай прошел весь путь до окраины и остановился на конечной станции, Кирилл оживился.

«Ну, все, теперь только пост охраны впереди, а там и до залива недалеко!» — подумал малолетний диверсант и первым направился к выходу.

Миновав последние частные дома, за которыми начиналось поле, Кирилл негромко проговорил:

— Сейчас иди за мной и не смей разговаривать. Впереди пост охраны. Что я говорю — выполняй беспрекословно!

Утвердительно кивнув головой, Павел смешно нахмурил брови всем своим видом показывая сосредоточенность. Медленно двигаясь вперед, Кирилл увидел, как вдалеке показалась деревянная будка. Окно в щитовом строении больше похожим на большую собачью будку освещалось светом буржуйки. Над крыльцом висел массивный громкоговоритель. Рядом с печкой сутулясь и жадно протянув руки к огню сидел молодой солдат в серой шинели. Совершенно не беспокоясь, что на территорию Ленинграда попадет вражеская диверсионная группа, он грелся у огня. Минуя опасное пространство, друзья скрылись в темноте. Облегченно переводя дух, где сердце от волнения стучало как колокол, Кирилл проговорил:

— Слава Богу, теперь нам никто не страшен. Линия обороны, где расположены наши войска далеко впереди, так что спокойно занимаемся рыбалкой.

Через полчаса быстрого шага приятели остановились в уютной заводи. Это было то самое место, где они еще до войны ловили рыбу. С двух сторон небольшая по размерам заводь была защищена заснеженными кустами, что делало это место весьма уединенным. Отмерив двадцать шагов от берега, Брагин вытащил из чехла коловорот и принялся сверлить первую лунку. Так как Павел был худощавого телосложения, то Кирилл решил бурить лунки сам. Пот тек ручьем, и обессиленный голодовкой подросток уже не надеялся достать до воды. Все это время Павел стоял рядом и подбадривал друга.

Увлечшись монотонным процессом, Кирилл не заметил, как пробуравив последние несколько сантиметров льда, инструмент тяжелой ракетой устремился вниз. Казалось, что

волосы от испуга сейчас поднялись в полный рост, но это оказалась ложная тревога. Ручка, за которую Брагин крутил коловорот была выгнута в сторону чтобы рыбак совершал максимально большие по величине обороты, так что потонуть инструмент не мог.

«Хорошо, что у меня коловорот в руке, а не пешня, иначе точно бы инструмент ушел в воду!» — вытирая пот со лба, подумал подросток.

«Паша, давай «распрягай» удочку и садись на лунку, а я пока начну бурить вторую. Заряжай тройник, нам нужна большая рыба», — стараясь перекрыть силу ветра, воскликнул Брагин.

Второго раза приятелю не нужно было напоминать. С деловым видом раскрыв зеленый солдатский вещмешок, он вынул одну мормышку и стал привязывать на конец лески тройник с намотанными на жало отрезками шерстяной нитки. По виду наживка напоминала пучок червей, насаженных на крючок. Свисая вниз, они имитировали жирную наживку. Рука без перчатки сразу же стала коченеть. Негромко матерясь и отворачиваясь от ветра, Павел все же завязал узелок на леске. Встав на колени, Зайцев осторожно стал опускать наживку в воду. Леска, как тетива лука стала медленно натягиваться, показывая глубину места. Прикидывая, что лучше выставить глубину ото дна примерно на метр, подросток отрегулировал нужную длину.

«Я готов!» — закричал Павел, показывая другу знак о начале ловли.

Подняв вверх указательный палец в перчатке, Кирилл продолжил бурить лунку. Периодически вытирая пот с лица хотя на улице стоял жестокий мороз, он стоически терпел боль. Все мышцы нежадно ныли и просили отдыха. Вторая лунка далась Кириллу еще тяжелей. Не прошло и десяти минут, как радостный возглас Павла разорвал заводь:

— Я поймал, Кирилл, смотри какая рыба!

Встав в полный рост и держа на весу большую серебристую рыбу, которая из последних сил старалась сорваться с крючка, Паша заливался радостным смехом. Несомненно, это был сазан с крупной чешуей больше похожей на кольчугу древнего воина. Большой чуть вытянутый рот с толстыми губами из последних сил жадно глотал морозный воздух. Победа друга придала новых сил. Поднатужившись, Кирилл пробурил вторую лунку и вытянув коловорот без сил упал на лед. На заиндевелых губах Брагина играла довольная улыбка человека, который выполнил трудную задачу.

— Не зря мы сюда пришли, ох, не зря! — пронеслась в голове радостная мысль.

— Не расслабляйся, лови фарт! — закричал Кирилл.

— Да, да, я сейчас, — бережно, словно младенца укладывая сазана в вещмешок, ответил Зайцев.

Размышляя над тем, какую поставить приманку, Кирилл принял решение увеличить варианты. Если Павел случайно попал на яму, где обитал сазан, то не факт, что также повезет и ему. Вынув из вещмешка вторую удочку, он стал привязывать к леске блесну. Выточенная еще дедом Андреем на заводе крохотная серебристая рыбка имитировала малька. Под брюшком и на хвосте приманки располагались два тройника. Словно два маленьких якоря они готовы были надежно зацепить любого хищника. Самым распространенным хищником, которого предполагалось поймать на блесну, была щука или окунь.

«Идеальным вариантом несомненно будет щука, но с десятков окуней тоже хорошая добыча. Эх, жаль времени мало, а ночью рыбалка так себе, на удачу», — размышлял Брагин.

«Есть, вторая рыба!» — громко словно стараясь перекрыть силу ветра, воскликнул Павел.

«Точно на лунку с сазанами попал. Эх, жаль прикормки нет, а то бы мы здесь столько наловили рыбы», — радостно констатировал Брагин.

— Молодец, Паша, давай!

— Есть, командир!

Опустив в лунку снасть, Кирилл стал напряженно вглядываться в проем лунки, где неподвижно стояла черная вода. Полумесяц тусклым светом неторопливо освещал окрестности Финского залива. То приподнимая мормышку на уровень глаз, то опуская вниз, Кирилл играл наживкой. Так как «кивок» на мормышке совершенно не был виден, поэтому подросток ориентировался на ощущения в руке. Драгоценные минуты проходили, а поклевки не наблюдалось. То же самое было и у Зайцева. После второй рыбы наступило длительное затишье. Ко всему прочему, Паша зацепил крючком что-то на дне и старясь освободить наживку лихорадочно тянул удочку то вправо, то влево.

— У меня зацеп! — констатировал Зайцев.

— Режь леску и вяжи новый крючок! — решительно скомандовал Кирилл.

Время было упущено и казалось, что рыба ушла. Эйфория рыбалки для друзей сменилась унынием.

«Неужели сегодня мы поймаем всего две рыбины?» — думал Брагин, бросая взгляд на приятеля.

Время неумолимо отстукивало свой ритм. Вынув отцовские часы из-за пазухи, Брагин посмотрел на круглый циферблат. Маленькая золотистая стрелка стояла на цифре три, а большая на пять. По всему выходило, что до рассвета осталось порядка четырех часов. Из этого нужно было вычесть время для обратного похода. Присвистнув от удивления, Кирилл мысленно констатировал, что скорей всего удачи больше не будет. Неожиданно для себя он прикоснулся перчаткой к груди, где висел нательный крестик и поднял голову. Ночное небо приковывало взгляд словно магнитом. Как специально в памяти всплыл эпизод, где дед Андрей, напутствуя внука говорил странные слова:

— Кирилл, в мире много необъяснимого и таинственного, но это не значит, что этого нет. Если тебе нужна помощь, а ты не можешь в одиночку справиться, попроси об этом Бога. Своими словами попроси, и он тебе обязательно поможет!

— Чепуха какая-то все в голову лезет, — подумал подросток.

— Как знать, — вдруг раздался до боли знакомый голос деда Андрея. Инстинктивно оглянувшись по сторонам, Кирилл никого не увидел.

— Видимо от голода у меня начались слуховые галлюцинации.

Тело Брагина медленно, но неумолимо замерзло. Сидя на коленях как истукан, он ощущал холод, исходящий ото льда. Взглянув на циферблат, Кирилл констатировал, что прошло еще полтора часа. Ветер немного стих и уже не так беспокоил рыбаков.

«А что, если обратиться к богу, что я теряю? — пролетела в голове крамольная мысль. Решительно махнув рукой, Брагин поднял голову к звездному небу и стал негромко шептать:

— Господи милостивый, прошу тебя, дай нам с Павлом сегодня возможность поймать еще рыбу!

Сняв перчатку, Кирилл с задумчивым видом перекрестился. Не успел он надеть перчатку, как рука почувствовала короткий, но сильный удар. Мозг взорвался от радости. Быстрыми движениями вытягивая из лунки рыбу, Кирилл дрожал всем телом от нетерпения. Через несколько секунд на снегу лежал довольно крупный окунь. Характерные полосы на теле переливались в тусклом свете желтыми нитями.

— Есть, окунь! — воскликнул Кирилл.

— Молодец, друг! — отозвался Павел.

Буквально через мгновение удочка в очередной раз оповестила рыбака коротким ударом. Вытянув очередного окуня, Кирилл ощутил непередаваемый восторг. Лихорадочно опуская приманку в лунку, подросток торопился выловить еще и еще. Видимо в этот момент к лунке подошла стайка окуня, потому что в короткий период Кирилл вытянул с десятков окуней. Все они оказались разные по величине, но однозначно это был улов. Видя, что рыбалка у друга затихла, он громко воскликнул:

— Паша, меняй наживку на блесну!

От долгого и неподвижного сидения на коленях все тело Павла замерзло и затекло, но он стоически терпел холод. Услышав приказ Кирилла, подросток негнушима пальцами отрезал перочинным ножом тройник и стал привязывать блесну. Это действие оказалось не таким простым. Вскоре опустив снасть в лунку, Павел облегченно выдохнул.

«О-о-о, чудо», — вдруг прошептал Зайцев.

Кисть подростка тут же ощутила поклевку. Его радости не было предела. Через мгновение из лунки показалась голова окуня. Воинственно подняв гребень плавника на спине, он совершал резкие движения и старался сорваться с блесны.

— Есть, рыба! — что есть силы закричал Зайцев, одновременно снимая рыбу с блесны.

— Давай, Паша, давай! — подбадривая друга, закричал Кирилл.

Постоянно бросая тревожные взгляды на горизонт, Кирилл чуть не плакал от обиды понимая, что времени осталось совсем немного. Когда стрелка часов остановилась на цифре семь, а большая на двенадцать, он решительно махнул рукой. До восхода оставалось совсем немного времени.

— Паша, сматывай удочку! — скомандовал Брагин.

— Кирилл, еще минуту, тут такой клев пошел!

— Сматывай, зараза, иначе не успеем пройти пост затемно!

Подняв голову к небу, на котором зарождался новый день, Кирилл прошептал:

— Спасибо, Господи, верую в тебя!

Обиженно надув губы, тем не менее, Павел выполнил приказ. Собирая рыбу со льда, он радовался как ребенок. Вскоре свой улов бросил в вещмешок и Кирилл. Чуть приподняв его, Брагин с сожалением посмотрел на тщедушного Павла. Вещмешок друга был тяжел от пойманной рыбы, и Паша мог просто не выдержать долгого пути. Тяжело вздохнув, Кирилл проговорил:

— Возьми коловорот, а я понесу весь улов!

Через пять минут приятели отправились в обратный путь. Обходя в десятке метров будку охраны, они старались идти неслышно. Как назло, снег под валенками издавал громкие звуки, при которых сердце диверсантов бешено колотилось в груди от страха. Видимо в этот день кто-то сверху помогал им. Когда пост остался далеко позади, Кирилл облегченно выдохнул. Мозг непроизвольно стал подсчитывать улов. В ходе мыслительного процесса выходило, что вдвоем с Павлом они выловили две большие рыбины сазана и два десятка окуней. Это был удивительный рекорд если считать, что никакой подкормки подростки не имели и ловили ночью.

Глава 4. Добытчики

На конечной остановке было немногочленно. Вскоре громыхая по рельсам, к остановке подошел старый еще дореволюционных времен вагон. Устроившись в конце салона на деревянной скамье и поставив рядом бесценный груз, друзья ощущали себя победителями. Пожилой мужчина в старом драповом пальто сидевший рядом подозрительно уставился на два вещмешка. В усталых глазах ветерана читался немой вопрос и еще что-то такое от чего Кириллу захотелось развязать лямки и подарить ему одного окуня. Поборов в себе приступ доброты, который мог закончиться неприятным задержанием и изъятием всего улова в отделении милиции, Брагин отвернулся к окну.

«Каждый выживает, как может!» — в очередной раз подумал Кирилл.

Выходя из вагона на остановке, Брагин непроизвольно оглянулся по сторонам. Вслед за ним оглядываясь, вышел Павел. Изредка по улицам проходил вооруженный патруль, а набитые рыбой два вещмешка подростков могли привлечь внимание военных, поэтому Кирилл мысленно молил бога благополучно добраться до дома. Словно специально улица была пуста, если не считать двух женщин, которые медленно брели навстречу. Обреченно глядя куда-то вдаль и тяжело ступая на снег, они тянули за собой детские санки. На них лежал труп человека, завернутый в белый саван. Потухший взгляд, впалые глазницы и болезненная бледность на лице женщин явственно говорили о том, что они сильно голодали. Опустив глаза чтобы не смотреть на это обыденное явление блокадного Ленинграда, друзья проследовали мимо. Решив разделить улов в квартире Павла, приятели проследовали на второй этаж. Открыв дверь ключом, Павел первым вошел в квартиру. Остановившись в коридоре, Кирилл с трудом снял с плеч тяжелые вещмешки.

«Мама, бабушка, я дома», — радостно воскликнул подросток, одновременно приставляя к стене коловорот.

Через мгновение из комнаты вышла престарелая женщина. Окинув пронзительным взглядом словно рентгеном фигуру внука, она подняла руки вверх и возбужденно воскликнула: — Слава тебе, Господи, ты жив и здоров! всю ночь я молилась богу за вас.

Прижав к своей груди Павла, Лидия Васильевна не могла сдержать слез. Казалось, что в этот момент она переживала самые сильные чувства. Заметив неподвижно стоящего в коридоре Кирилла, Лидия Васильевна смутилась и вытирая слезы проговорила:

— Что это мы гостей в коридоре держим, проходите в гостиную к огню! Паша, а я жду от тебя подробного рассказа.

— Бабушка, Кирилл тоже хочет быстрее попасть к своим, так что мы сейчас ненадолго уединимся на кухне, а потом я отвечу на все твои вопросы.

— Как скажешь, Павел, ведь ты уже взрослый.

Показав взглядом приятелю на дверь кухни, Зайцев по-хозяйски подхватил один вещмешок. Второй тут же взял в руки Кирилл. Предстоял волнительный момент раздела рыбы, где Павел хотел насладиться моментом эйфории. Поставив тяжелый вещмешок на разделочный стол, он осторожно словно рыба была стеклянной стал выкладывать сазана. То же самое делал и Брагин. Вслед за двумя большими поросятами, как назвал их Зайцев на столе оказалась горка из окуней. Рассматривая это богатство, лицо подростка светилось от счастья. Тело окуней было покрыто мелкой чешуей и поэтому если взять тушку в руку она ощущалась, как мелкая терка. За головой окуня был замечен небольшой горб. Первый спинной плавник был выше второго, где оба имели острые шипы. В районе груди располагались плавники красного цвета при том, что все тело имело зеленовато-желтую окраску. Характерные темные полосы придавали хищнику устрашающий вид. По размерам выловленная рыба была в пределах пятнадцати-двадцати пяти сантиметров, хотя пара из них имела совсем громадный размер. Взяв

линейки и измерив длину, Павел удовлетворенно цокнул языком. Длина двух гигантов составляла 29 и 31 сантиметр соответственно.

Внезапно на столе произошло движение. Рыба после естественной заморозки стала оттаивать и оживать. Окунь били хвостами и извивались как ужи. В следующее мгновение рыба стала метаться по столу, где несколько хищников с глухим звуком упали на пол. Только сазаны, открыв рот неподвижно лежали и глотали воздух большими губами. Опешив от неожиданности, Кирилл смешно открыл рот не в силах сдвинуться с места. Вскрикнув от восторга, Павел бросился собирать окуней на деревянном полу и бросать их в раковину. На крик внука в кухню быстро вошла бабушка. Изумленно глядя на все это богатство, она казалось, впала в ступор.

— Неужели все это выловили вы? — прошептала Лидия Васильевна.

— А то, кто же, конечно, мы! Бабушка, ты пока оставь нас наедине, сейчас мы разделим с Кириллом улов, и я выйду, — попросил Павел.

— Да, да, конечно, — суетливо закрывая дверь кухни за собой, проговорила женщина.

— Начнем дележ. Один сазан тебе, один мне. У нас двадцать окуней, так что каждому по десять хвостов, — начал говорить Зайцев.

— Да, все верно, но рыба вся разная по величине и нужно разделить окуней так, чтобы было примерно равно по весу, — дополнил Кирилл.

Если примерно одинаковых по размерам сазанов можно было смело разделить, то с окунями вышла проблема. Действительно, все окуни были разные, как по весу, так и по длине. На глаз вес хищников составлял в диапазоне от полукилограмма до килограмма, хотя два из них выделились длиной и весом. Размышляя над этой трудной задачей, Павел смешно наморщил лоб. И тут на помощь внуку пришла бабушка. Решив не уходить в комнату, а послушать, о чем говорят подростки, она просто закрыла дверь и притаилась у стены. Когда проблема стала перерастать в спор, Лидия Васильевна вмешалась.

— Разрешите мне подсказать вам правильное решение, которое будет приемлемым для обеих сторон спора? — спросила мудрая женщина, входя в кухню.

Почти одновременно кивнув головой, два подростка затаили дыхание.

— У нас в доме есть весы, так что сможем взвесить окуней и разделить их по весу, — с достоинством проговорила престарелая женщина. Эти пружинные весы с массивным крючком для подвешивания авоськи с овощами, Павел помнил, еще будучи ребенком.

— Точно! — подпрыгнув на месте, воскликнул Зайцев.

Вскоре деловито погрузив в авоську для продуктов сверток с окунями, он потянул за кольцо весов. Оказалось, что держать такой большой вес низкорослому и худому подростку было не под силу. И тут вперед выступил Кирилл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.